

А. И. ИВАНОВ

МАКСИМ ГРЕК И САВОНАРОЛА*

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

На первый взгляд может показаться странным сопоставление двух названных средневековых деятелей, принадлежавших к разной вере и национальности и подвизавшихся в разных странах и среди разных народов.

Один из них, Максим Грек, как показывает его прозвище, был по происхождению грек, монах афонского православного монастыря, прибывший в Россию в 1518 г. по вызову Московского правительства, где оставался до конца жизни (1556). Здесь он, занимаясь переводческой и литературной деятельностью, оказал своими творениями, особенно публицистическими, чрезвычайно большое влияние на развитие многих сторон русской культуры и общественно-политической мысли древней Руси.

Другой, Иероним Савонарола, итальянец по национальности, католический монах, возглавлявший в последние шесть лет своей жизни (1492—1498) монастырь св. Марка во Флоренции в качестве приора и в этом звании прославившийся как знаменитый проповедник и реформатор, который стремился преобразовать христианскую Церковь «снизу доверху» и установить во Флоренции «патриархальный строй» на началах «первоначального равенства между людьми».

Однако при внимательном ознакомлении с биографиями того и другого деятеля обнаруживается поразительное сходство в их характере и самой судьбе, в их взглядах и особенно в направлении деятельности. Оба они отличались строгим образом жизни, смелостью в обличении современных им общественных пороков, беспощадной критикой ненормальностей и злоупотреблений в религиозно-нравственной и общественно-политической жизни, искренностью и прямотой в словах и действиях и за все это оба подверглись тяжким гонениям: Максим Грек в течение 26 лет содержался в тюремном заточении, под надзором приставленных к нему шпионов, а Савонарола после клеветнических судебных обвинений, заточения и пыток был живым сожжен на костре с двумя своими единомышленниками.

Такое сходство в характере, судьбе и особенно в деятельности Максима Грека и Савонаролы не было случайным совпадением. Оно обуславливалось несколькими причинами и прежде всего сходной во многих отношениях обстановкой, в которой приходилось им вращаться.

* В «Трудах Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР» (ТОДРЛ) за 1968 г., т. XXIII, с. 217—226, помещена под тем же заглавием моя статья, касающаяся литературного влияния Савонаролы на Максима Грека. В данной статье рассматривается вопрос об идеологическом влиянии флорентийского проповедника на Максима Грека.— А. И.

В Италии, где подвизался Савонарола, в XV веке происходил крупнейший перелом в общественно-экономической и политической жизни страны. В недрах феодализма возникал новый строй — капиталистический, на смену феодальных классов выступали новые классы — буржуазия и предшественники будущего пролетариата. Между этими классами, особенно в итальянских городах, происходила ожесточенная борьба.

В политической жизни наблюдался процесс централизации власти. В итальянских городах диктатура правящих верхов приняла характер тирании. Аристократия и поднимающаяся буржуазия путем торговли, ростовщичества и эксплуатации «мелкого люда» наживали огромные состояния и утопали в роскоши. Вместе с роскошью развивались всевозможные пороки, особенно среди аристократии и высшего католического духовенства.

Окружающая обстановка не могла не отразиться на мировоззрении и деятельности Савонаролы. Глубокое падение нравов и крайнее разложение Католической Церкви, вопиющие злоупотребления и несправедливости в социальной жизни и политическая тирания пробуждали в Савонароле дух страстного обличителя и сурового преобразователя. Вместе с тем в его взглядах и характере нашли свое отражение все основные противоречия эпохи. С одной стороны, это дитя многостороннего периода Возрождения, а с другой — истинный сын средневековья. Указанная сторона в жизни и деятельности Савонаролы всегда составляла загадку для его биографов. Поэтому в оценке этого деятеля в науке наблюдаются резкие расхождения.

Некоторые авторы считают его ограниченным религиозным фанатиком, решительно отвергавшим все лучшие достижения древней культуры и прогрессивные идеи современного ему итальянского Ренессанса, стремившегося превратить Флоренцию в средневековый монастырь¹; другие, напротив, видят в нем человека высокой нравственности и неподкупной честности, страстно любившего свой народ, самоотверженно борovéhoся за религиозно-нравственное преобразование всего общества и пытавшегося создать во Флоренции новую систему политического устройства на началах всеобщего равенства и свободы².

Противоречивые и во многих случаях односторонние мнения о флорентийском проповеднике объясняются, с одной стороны, тем, что писавшие о Савонароле историки рассматривали его деятельность вне связи с эпохой, в которую он жил, а с другой стороны, — недостаточным знакомством с его литературным наследием.

Аналогичная во многих отношениях картина серьезных сдвигов в социально-экономической и политической структуре общества наблюдалась и в Московской Руси в первой половине XVI в., во времена пребывания там Максима Грека.

В недрах русского феодализма возникало и развивалось товарно-денежное хозяйство. Следствием этого было неудержимое стремление землевладельцев и городских верхов к накоплению денежных богатств, что сопровождалось усилением эксплуатации трудящихся и широким распространением ростовщичества.

В области политической наблюдалось расширение и укрепление централизации Русского государства.

Существенной чертой передовой общественно-политической мысли

¹ См. *Vita del padre Girolamo Savonarola*. Ginevra, 1781. Изд. анонимное; *Franc. Reformateurs et Publicistes de l'Europe*. Paris, 1864; в «*Dictionnaire historique et critique*» на слово «Savonarole» и др.

² F. K. Meier. *Girolamo Savonarola aus grossen Teils handschriftlichen Quellen dargestellt*. Berlin, 1836; P. V. Marchese. *Storia del Convento di San Marco*. Firenze Le Monnier, 1855; А. К. Шеллер, Савонарола. Его жизнь и общественная деятельность. СПб., 1893, и др.

того времени была борьба против социальных и политических нестроений и особенно против отрицательных сторон церковной и монастырской жизни.

Максим Грек, как и Савонарола, не мог остаться равнодушным зрителем отрицательных явлений русской действительности и выступил пламенным обличителем пороков светского и церковного общества, несправедливостей властей, бесправия простого народа и других вопиющих зол русской жизни.

Нельзя, однако, не отметить, что Максим Грек во многих отношениях продолжал оставаться на позициях средневековой схоластики. Этим объясняются двойственность и противоречивость, которые наблюдаются в его литературных трудах. Отсюда и суждения историков и литературоведов о нем, как и о Савонароле, весьма разноречивы.

Некоторые из его биографов отзываются о нем восторженно, как о представителе русской передовой мысли XVI в., как о выдающемся деятеле гуманистического направления и даже как о первом просветителе древней Руси³, другие говорят о нем довольно сдержанно, отмечая в ряде случаев консервативный характер его взглядов и деятельности⁴, и, наконец, третьи совершенно отрицают гуманистические начала в воззрениях Максима Грека и относят его к числу представителей реакционного направления в русской общественной мысли XVI в.⁵

Вторая и самая главная причина близкого сходства во взглядах, настроении и характере деятельности Максима Грека и Савонаролы заключается в непосредственном влиянии Савонаролы на Максима Грека.

Известно, что Максим Грек первые шесть лет своего пребывания в Италии (1492—1498) с небольшими перерывами провел во Флоренции. Здесь он под мирским именем Михаила Триволиса проходил курс разных наук в «Платоновской Академии» под руководством выдающихся представителей итальянского Ренессанса конца XV в.: Иоанна Ласкариса, Анджело Полициано, Дмитрия Халкондила, Марсилио Фичино и других.

Одновременно с занятиями в «Платоновской Академии» молодой Михаил Триволис слушал проповеди и был свидетелем реформаторской деятельности, а, возможно, и мученической смерти Иеронима Савонаролы. Судя по многочисленным свидетельствам современников, проповеди Савонаролы производили потрясающее впечатление на слушателей. Они одинаково увлекали мужчин и женщин, художников и поэтов, философов и простых людей. Если к этому добавить, что на окружающих оказывала неотразимое влияние сама личность флорентийского проповедника, отличавшегося высокой нравственностью, бескорыстием, самоотверженной любовью к народу, то будет неудивительно, что почитателями его становились многие выдающиеся представители науки и искусства того времени и в том числе великий Микеланджело Буонаротти, до старости перечитывавший проповеди Савонаролы⁶.

Вполне понятно, что под влияние Савонаролы не мог не подпасть и молодой впечатлительный грек Михаил Триволис. О том, какое глу-

³ E. Denissoff. *Maxime le Grec et l'Occident*. Paris — Louvain, 1943; Γρ. Παπαμιχαήλ. *Μάξιμος ὁ Γραικός, ὁ πρῶτος φωτιστὴς τῶν Ῥώσων*. Ἐν Ἀθῆναις, 1950, и др.

⁴ В. С. Иконников. *Максим Грек и его время*. Киев, 1915; М. Н. Сперанский. *История древнерусской литературы*. Изд. 3-е. М., 1921, и др.

⁵ Н. К. Гудзий. *Максим Грек и его отношение к эпохе итальянского Возрождения*. «Университетские известия». Киев, 1911, № 7; Ф. Нелидов. *Максим Грек*. М., 1895, и др.

⁶ П. Виллари. *Джироламо Савонарола и его время*. Т. I. СПб., 1913, с. 375—376; Н. Осокин. *Савонарола и Флоренция*. Казань, 1865, с. 216—219.

бокое и неизгладимое впечатление произвели на молодого Максима Грека проповеди, личность и судьба Савонаролы, мы узнаем из обширного сказания о Савонароле самого Максима Грека, которое читаем в его сочинении «Повесть страшна и достопамятна и о совершенном иноческом жительстве»⁷. Здесь Максим прямо заявляет, что он готов Савонаролу и его двух товарищей по мученической кончине «с радостью» причислить к «древним защитителям благодетелию, аще не быша латыня верою». Так говорил Максим Грек много лет спустя после флорентийской трагедии. Нет сомнения, что под влиянием именно Савонаролы в Михаиле Триволисе произошел тот внутренний перелом, о котором он вспоминал впоследствии в Москве в своих писаниях, выступая уже под именем Максима Грека.

Мужественная борьба флорентийского проповедника против беззаконий Рима и в защиту свободы флорентийских граждан, его неустрашимость на суде и перед сожжением на костре в 1498 г. окончательно укрепили молодого грека в решимости посвятить себя той же преобразовательной деятельности на благо ближнего, за которую пострадал Савонарола.

По-видимому, Михаил Триволис намеревался продолжить высокий подвиг своего учителя в качестве проповедника в том же доминиканском монастыре св. Марка во Флоренции, во главе которого стоял последние годы своей жизни Савонарола. С этой целью 14 июня 1502 г. он принял пострижение в монашество, сохранив свое мирское имя, и оставался в монастыре до весны 1504 г.⁸ Можно предположить, что удаление его из монастыря было вызвано, главным образом, той крайне враждебной к памяти Савонаролы атмосферой, которая удерживалась здесь со времени казни героического приора⁹.

В 1505 г. Михаил Триволис удалился из Италии на Афон, где вскоре принял монашество в греческом Ватопедском монастыре с именем Максим. За время десятилетнего пребывания на Афоне Максим Грек и там не мог проявить своей ревности проповедника-обличителя или писателя-публициста, так как Афон не представлял соответствующих условий для такой деятельности.

Положение изменилось, когда Максим прибыл в Россию в 1518 г. по вызову Московского правительства. Здесь он столкнулся со многими вопиющими нестроениями в церковно-религиозной, нравственно-бытовой и социально-политической жизни тогдашнего русского общества и, «жегомый ревностию», по примеру своего флорентийского учителя выступил с резкими обличениями общественных пороков и недостатков. Его обличительный голос, не умолкая, беспощадно и настойчиво раздавался в продолжение 35 лет, заставляя прислушиваться к себе все слои общества от князя до простолюдина.

Таким образом, жизнь и деятельность Максима Грека в России носила на себе следы несомненного влияния Савонаролы. Это влияние отмечалось некоторыми исследователями, писавшими о Максиме Греке¹⁰.

⁷ Сочинения преп. Максима Грека. Ч. III, с. 194—205. В печатном издании и в большинстве рукописей сказание о Савонароле занимает вторую половину «Повести». См. подробно: А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969. с. 156—157. В этой работе ссылки на рукописные источники приводятся по каждому сочинению Максима Грека. В данной статье мы оставляем ссылки на рукописи только по неизвестным сочинениям Максима Грека.

⁸ См. подробно об этом мою статью «О пребывании Максима Грека в доминиканском монастыре св. Марка во Флоренции». «Богословские труды», сборник № 11.— А. И.

⁹ F. T. Perrens. Jerome Savonarole. D'après les documents originaux et avec des pièces justificatives en grande partie inédites. Paris, 1856, p. 293—300; E. Denissoff. Указ. соч., p. 265.

¹⁰ Гр. Παπαμτχαήλ. Указ. соч., σελ. 438 и др.

Однако вопрос о том, в чем конкретно проявилось влияние Савонаролы на Максима Грека и как отразилось оно на литературной деятельности последнего, до сих пор не получил полного и обстоятельного раскрытия. Большинство исследователей ограничивалось или общими замечаниями по данному вопросу, или рассмотрением одной какой-либо детали, что, естественно, приводило к односторонним суждениям¹¹. Сравнительно с другими более подробно останавливаются на вопросе о влиянии Савонаролы на Максима Грека в своих капитальных трудах В. С. Иконников¹² и И. Денисов¹³. Однако в распоряжении названных ученых было очень мало материалов об итальянском периоде жизни Максима Грека, а привлечь и сопоставить для выяснения вопроса литературные труды того и другого деятеля они не попытались. Поэтому суждения и этих исследователей страдают односторонностью и недостаточной объективностью.

Таким образом, вопрос о влиянии Савонаролы на Максима Грека до сих пор с надлежащей полнотой не выявлен и его новую постановку можно считать вполне оправданной.

1. РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ ВЛИЯНИЕ САВОНАРОЛЫ НА МАКСИМА ГРЕКА

1. Полное и конкретное выяснение того, в каких направлениях и в какой степени отразилось влияние Савонаролы на мировоззрение и литературной деятельности Максима Грека, имеет чрезвычайно важное значение для восстановления подлинного облика последнего и его места в общественно-политической и культурной жизни России XVI в.

Несомненно, первое и наиболее сильное впечатление на молодого Михаила Триволиса должна была произвести та религиозная экзальтация или, по выражению самого Савонаролы, та «ревность по Бозе», которой одержим был он и которая заражала всех его окружающих. Но эта религиозная «ревность» флорентийского проповедника не имела характера иступленного фанатизма монаха-аскета, а являлась источником той внутренней силы, которая толкала Савонаролу на борьбу с вопиющими злоупотреблениями в Церкви, с нравственными пороками современного ему общества, с произволом и беззаконием светских князей, с лихоимством и хищениями богатых, на защиту бедных и угнетенных.

Вспомогая о преобразовательной деятельности Савонаролы, Максим Грек писал впоследствии: «Сей премногий разумом богодохновенных писаний... ревностию Божиею разжегся, совет советовав добр и богоугоден сиречь учительным словом, еже от Божественных Писаний, пособити граду оному и истребити от него в конец нечестия сия»¹⁴.

Известно, что первоначально Савонарола намеревался уединиться в монастырской келье и стать молчальником и отшельником, чтобы не видеть великой развращенности века, усиления пороков и поправа всякой правды и добродетели, как об этом он писал в письме

¹¹ Н. К. Гудзий. Указ. соч., с. 19; Ф. Нелидов. Указ. соч.; А. И. Клибанов. К изучению биографии и литературного наследия Максима Грека. «Византийский временник» (Вв), т. XIV. М., 1958; Б. И. Дунаев. Сочинения Савонаролы и Максима Грека. «Древности. Труды Славянской комиссии императорского Московского археологического общества». Т. IV, вып. 1. М., 1907. Протоколы №№ 60—90, с. 56—58; К. Висковатый. К вопросу о литературном влиянии Савонаролы на Максима Грека. «Slavia. Casopis pro slovanskou filologii». Prague, 1939, t. XVII, N 1—2, p. 128—133.

¹² В. С. Иконников. Цит. соч., с. 84—149, 560—578.

¹³ E. Denissoff. Цит. соч., p. 147 etc.

¹⁴ Сочинения преп. Максима Грека. Ч. III, с. 195.

к отцу 25 апреля 1475 г. и в своем небольшом произведении «О прерении к миру». «Не осталось никого,— говорит он там,— нельзя найти ни одного человека, который любил бы добро: нам нужно учиться у детей и у простых женщин, ибо только у них осталась хоть тень невинности. Добрые угнетены, и народ итальянский похож на египтян, державших в порабощении народ Божий»¹⁵. Однако, вопреки мнению В. С. Иконникова¹⁶, отшельническая жизнь не соответствовала душевному складу Савонаролы. Безотрадная картина окружающей обстановки пробуждала в груди его огонь негодования, который требовал выхода, вызвала в нем ту «ревность по Бозе», которая лежала в основе его деятельности. «Ревность есть не что иное,— говорил он в одной проповеди,— как глубокая любовь в сердце человека справедливого, который не остается бездеятельным, но постоянно стремится к устранению всего того, что он находит несоответственным славе горячо им любимого Господа»¹⁷. «Я желал бы,— восклицал он в другой раз,— оставаться спокойным и не говорить, но не могу, ибо слово Божие в сердце моем, как огонь, который сожжет мозг костей моих, если я не дам ему выхода»¹⁸.

2. Ту же ревность мы наблюдаем и в деятельности Максима Грека московского периода. Эту ревность он вынес не из закрытой кельи удаленного от мира афонского монастыря, где в течение 10 лет занимался большей частью углубленным изучением древнегреческих церковных писателей. Религиозную ревность молодому Михаилу Триволису флорентийский проповедник внушил своими пламенными обличительными выступлениями и реформаторской деятельностью. Когда после Афона Максим прибыл в Москву и столкнулся здесь со многими недостатками в русской жизни, он не мог молчать и по примеру своего флорентийского наставника выступил с резкими обличениями. Об этом он сам говорит и притом в выражениях, чрезвычайно сходных с приведенными выше высказываниями Савонаролы.

В «Слове отвещательном о исправлении книг русских...»¹⁹ Максим заявляет, что он пишет и вещает не по лицемерию, не ради лести и не в поисках славы, «но убо Божественною ревностью жегом».

В «Поучении ко иноком о исправлении иноческаго жития и как есть сила великия схимы» Максим, приведя слова пророка Давида (Пс. 118, 46, 139 и 158), пишет, что пророк учит нас «еже по Бозе ревновати, и с необиновением глаголати слово, еже о истине». И далее он продолжает о себе: «Никтоже убо да зазрит мне, аще и сам, повинуюся сим Божественным поучением, дерзостнее пишу и по ревности Божией возстаю на обличение неких братиих моих, безчинствующих»²⁰.

В сочинении «Слово пространнее излагающе с жалостию нестроения и безчиния царей и властей последняго жития» аллегорическая плачущая в пустыне женщина говорит Максиму Греку: «Вижу тя ревностию по Бозе и любовьию нелицемерною, яже к роду вкупородных тебе человек желаяща ведети от мене, яже о мне, да всяко нещии пользу примут прилежным взысканием твоим»²¹.

Таким образом, в основе обличительной публицистической деятельности Максима Грека лежала та религиозная ревность, которую внушил ему Савонарола.

¹⁵ П. Виллари. Цит. соч., т. I, с. 14—15.

¹⁶ В. С. Иконников. Цит. соч., с. 563.

¹⁷ П. Виллари. Цит. соч., т. II, с. 205—206.

¹⁸ Там же, т. I, с. 310; т. II, с. 99—100.

¹⁹ Сочинения преп. Максима Грека. Ч. III, с. 61.

²⁰ Сочинения преп. Максима Грека. Ч. II, с. 220.

²¹ Там же, с. 322—323.

II. ОБЛИЧЕНИЯ САВОНАРОЛЫ И МАКСИМА ГРЕКА НЕСТРОЕНИЙ В ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ

1. Религиозная ревность Савонаролы была направлена в первую очередь на обличение нестроений Римской Церкви, особенно пороков ее высших прелатов, против лицемерной религиозности того времени и вообще на обновление всей церковной жизни.

Будучи еще юношей, Савонарола пишет стихотворение «О разрушении Церкви», в котором излагает свои сокровенные мысли. В нем он обращается к Церкви, которая представлена у него в виде плачущей одинокой девы, с вопросом: «Где древние твои учителя, где древние святые? Где чистое учение, милосердие, первоначальная чистота?» В ответ дева, взяв его за руку, ведет его в пещеру и говорит ему: «Когда я увидела, что гордость и властолюбие проникли в Рим и всё там осквернили, я ушла и заключилась в этом месте, где и провожу жизнь в плаче»²².

В письме к Фра Доменику да Пешиа в 1491 г. Савонарола заявляет: «Я проповедую обновление Церкви»²³. В дальнейшем эта тема становится одной из главных в его обличительных выступлениях.

Винновниками церковных нестроений он считает римских прелатов. «Прелаты,— говорит он,— наполнили Церковь огнем жадности, огнем честолюбия, огнем зависти и властолюбия». Далее Савонарола описывает пышную обстановку церковных служб и дорогие облачения прелатов. «Первые прелаты (в древней Церкви),— замечает он,— были, можно сказать, прелатишками по сравнению с теперешними. Да, конечно, первые прелаты были прелатишками, ибо они были скромны и бедны, не было у них богатых епископских кафедр, не было доходных монастырей, как у нынешних наших. Они не имели ни столько золотых митр, ни столько сосудов. Даже и те немногие, какие были у них, они продавали, чтобы помогать бедным; наши же прелаты, чтобы делать сосуды, отбирают у бедных и то, без чего те не могут жить. Но знаешь, что я хочу тебе сказать? В первоначальной Церкви сосуды были деревянные, зато прелаты были золотые. Теперь же Церковь имеет сосуды из золота, зато прелатов из дерева»²⁴.

В проповеди, произнесенной в соборе во Флоренции в 1491 г., Савонарола жалуется, что избранне духовной карьеры делается из-за выгод, чтобы пользоваться церковными доходами и привилегиями. «Теперь нет благодати,— говорит он,— нет такого дара Духа Святого, который не продавался бы и не покупался бы»²⁵.

С особой силой он обрушивался на пороки Рима.— «Рим — второй Вавилон,— говорил Савонарола в одной из проповедей,— центр и рассадник всех пороков и мерзостей, полный высокомерия, распутства и алчности; всякая любовь там утрачена, только дьявол там торжествует. Рим безбожнее, чем все другие города и страны, безбожнее даже, чем турки и язычники»²⁶.

Главное требование, которое выдвигал Савонарола,— это лишить Церковь всех ее богатств, вернуть ее к состоянию бедности и простоты первых веков христианства. «Для Церкви было бы лучше,— говорит он,— отречься от всяких богатств, ибо тогда единение с Богом

²² П. Вилларри. Цит. соч., т. I, с. 18. Стихотворение Савонаролы «О разрушении Церкви» издано: Audin de Rians. Poesie di Hieronimi Savonarole (Firenze, 1847) под заглавием «Canzone de ruine ecclesiae»; V. Piccoli. Girolamo Savonarole. Poesia (Torino, 1926, p. 15—23) в «Collezione di classici italiani con note. Il ser. diretta da Balsamo Privelli».

²³ П. Вилларри. Цит. соч., т. I, с. 100.

²⁴ Там же, т. II, с. 205—207; J. Schnitzer. Savonarola. Ein Kulturbild aus der Zeit der Renaissance. В. II. München, 1924, S. 713—714.

²⁵ П. Вилларри. Цит. соч., т. I, с. 99.

²⁶ Там же, т. II, с. 220—233; J. Schnitzer. Цит. соч., S. 709.

было бы полнее. Оттого я и говорю моим монахам: твердо держитесь вашей нищеты, потому что как только богатство входит в дом ваш, с ним входит и смерть»²⁷.

Вполне понятно, что Савонарола одновременно резко выступал против богатства и роскоши прелатов, против той крайней распушенности клира, которая связана была с богатством. «Ты был в Риме и знаешь жизнь этих священников»,— восклицает он в одной из своих проповедей. «Скажи мне, как они тебе кажутся: людьми ли, которые заботятся о Церкви, или мирскими владыками? У них есть придворные, конюшни, лошади, собаки, дома их полны коврами, шелками, благоуханиями, рабами. Думаешь ли ты, что это Церковь Божия?.. Они всё делают за деньги, колокола их звонят ради ненасытной жадности: они только и требуют, что денег, свечей и хлеба. Они поют на клиросах вечерни и обедни, ибо это приносит доход. Они торгуют бенефициями, торгуют тайнствами, торгуют брачными мессами, торгуют всем»²⁸.

Проповеди Савонаролы с обличениями пороков Рима и высшего католического духовенства быстро распространялись не только в Италии, но и по всей Европе. Несомненно, эти проповеди сыграли немалую роль в подготовке реформации на Западе. Поэтому недалеко от истины утверждения некоторых западных ученых, считающих Савонаролу предшественником Лютера.

2. Молодой Михаил Триполис слушал и читал проповеди Савонаролы, направленные против пороков католического духовенства, и они надолго остались в его памяти.

В пользу такого мнения говорит то, что в своем сказании о Савонароле Максим Грек не только вспоминает о впечатлении, какое произвели обличения флорентийского проповедника, но приводит краткие выдержки из них. Так, он пишет: «Многих исправление жаждая, сего ради ни самех, иже во властех церковных суть, а не апостолоподобне живут и о пастве Спаса Христа не пекутся, якоже лепо, ниже тех хваляше, но без страха обличаше прегрешения их и глаголаше часто: аще бы мы жительствовали достойно Евангелию Спаса Христа, вся убо всяко иноверныя языки обратилися бы ко Господу, зряще наше равноангельно житие, и было убо бы нам сие во спасение велико и наслаждение вечных благ, ныне же супротивно евангельских заповедей живуще, и ниже себе исправляем, ниже иных ко благочестию руководити печемся, что ино слышати чаем от праведного Судии разве сего: горе вам, книжницы и фарисей лицемери, яко затворяете Царство Небесное пред человеки, сами не входите и хотяща внити возбраняете им. Сия глагола не обинуяся и еще же жесточайшими сих словесы зазирая удивляемому у них папе и сущим о нем кардиналем и прочему причту их, большия ненависти и вражды вину дал на себе возненавидевшим изначала священных его учений, еретика бо его и хульника и лестца нарицаху, аки отверзша уста своя на священнаго их папу и всея Церкви Римския»²⁹. Такое сообщение может принадлежать только непосредственному слушателю проповедей Савонаролы.

Если мы обратимся теперь к творениям Максима Грека, то найдем в некоторых из них явное отражение влияния обличительных выступлений Савонаролы против пороков церковного клира. Конечно, обличения Максима Грека носят несколько иной характер, так как вызваны другой обстановкой. В них не выдвигается требование обновления всей Церкви, а бичуются только пороки церковного клира и прежде всего высшего духовенства и монашества.

Здесь, кстати, отметим одно любопытное явление: ни Савонарола, ни Максим Грек в своих обличениях почти не касаются нравственного

²⁷ П. Виллари. Цит. соч., т. II, с. 6; J. Schnitzer. Цит. соч., S. 713—714.

²⁸ П. Виллари. Цит. соч., т. II, с. 71; F. T. Perrens. Цит. соч., p. 71—72.

²⁹ Сочинения преп. Максима Грека. Ч. III, с. 198—199.

состояния низшего духовенства, а все свое негодование сосредоточивают на беззакониях и распущенности высших иерархов. По-видимому, оба проповедника учитывали, что низшее духовенство составляли люди, большей частью бедные, удрученные нуждой.

Обличению пороков епископов у Максима Грека посвящено прежде всего несколько переводных сочинений из творений древних восточных церковных писателей. Таковы, например, слово «Святаго Иоанна Златоустаго о епископех нерадивых от пролога в 5 день месяца июля»³⁰ и второе слово его же «На нерадивые епископы»³¹.

В оригинальных произведениях Максима Грека мрачная картина упадка нравов высшего духовенства рисуется в выражениях, весьма сходных с обличениями Савонаролы.

Во втором «Слове на Маомефа», указывая признаки близкой кончины мира, Максим одним из этих признаков считает отсутствие учительного слова³².

Главные пороки, которые наблюдались среди высшего русского духовенства, были те же, что и среди католических прелатов; это — страсть к обогащению и веселой роскошной жизни, показное, внешнее благочестие и полное пренебрежение к нуждам низших классов. Выступая против этих пороков, Максим Грек направлял иногда свои обличения против определенных лиц, скрывая имена под общим обращением к душе. Вот как пишет он об одном иерархе: «Ты же, трюкаянна, кровей убогих безщадно испиваеши, лихвами и всяким делом неправедным и себе оттуда преобильно приготавлиючи вся твоя угодная, егда же и якоже хощеша, во градах же ездящи на конех благородных со многими, озем убо воследующим, озем же напред воплем и бичию разбивающим, сретаючи или стесняячи тя народы. Угодна ли творити мниши своими долгими молитвами и черным сим власяным образом Христу любящу милость паче жертвы, и осужающа всякаго нищененавидца?» Такой, замечает Максим, «аки некий кровопийца зверь... от сухих костей тщиши ссати мозги, якоже и род псов и вранов» и «обоима рукама нещадно истошая имена нищих в наслаждении всяческих сердца своего. Сам убо светло всегда веселящася, а о нищих погибающих бедне гладом и мразом небрегущи, сам же греем нарочитыми соболии (одежды) и светло и пресладко по вся дни питаючися, премногим рабом и слугам предстоящим, Божественному же закону повелевающу кормити вдовы и сироты и убоги, аки нарочком противяся»³³.

Как и западные прелаты, обличаемые Савонаролой, русские архиереи обставляли дома свои с необычайной роскошью и украшали себя «шелковыми многоценными ризами и золотом и серебром»³⁴. Как и католические прелаты, русские архипастыри, по словам Максима Грека, «приобретя стяжания всякая», начинали жить «в отраде и славе и всяком покое», знали только пиры и увеселения, а о Церкви и истине, о наставлении пасомых и думать не хотели³⁵. Особенно ярко и полно вскрывает Максим Грек отрицательные стороны в поведении

³⁰ Не издано. Находится в рукописи ГБЛ, ф. 256, собр. Румянцева, № 264 (XVI в.), л. 31 об.

³¹ Не издано. Находится в той же рукописи, лл. 239 об.— 240 об.

³² Сочинения преп. Максима Грека. Ч. I, с. 139—140. Срав. вышеупомянутое стихотворение Савонаролы «О разрушении Церкви».

³³ Сочинения преп. Максима Грека. Ч. II, с. 43—44, 32, 39—40.

³⁴ Там же, с. 128.

³⁵ Там же, с. 174—175.

Как богато было тогда высшее духовенство, об этом можно судить из грамоты Тверского епископа Нила к Василию Коробову, в которой он перечисляет свои вещи, отправляемые в дар Византийскому патриарху. Тут упоминаются: «ризы и епитрахили камчатые, шитые золотом, серебром и саженые жемчугом... Да 40 соболей, да 740 горностаев, да 2000 белок деланых, 440 хомяков, да рыба зуба больших 15, да чара

ПРЕПОДОБНЫЙ МАКСИМ ГРЕК

и жизни высшего русского духовенства XVI в. в своем знаменитом «Слове» по поводу пожара в Твери 22 июля 1537 г., уничтожившего кафедральный собор и все церкви города³⁶.

Отметив в начале «Слова», что пожар служит наказанием Божиим за многочисленные пороки и преступления духовенства, Максим далее перечисляет эти преступления и пороки. Представители духовенства, указывает он, украшают церкви золотом и серебром, но средства на украшения добыты «от неправедных и богомерзких лихв, лихоимания же и хищения чужих имений»; они совершают пышные церковные службы с «боголепным пением, вкупе со светлошумными колоколы и благовонными мирры» и в то же время «златолюбием побеждены бывше, всякаго судительнаго закона возненавидеша, мзды ради оправдающе всякаго обидящаго»; они украшают священную книгу (Библию) «сребром и златом, силу же писанных в ней повелений (Божиих) не приемлют», не исполняют и делают противное им; они считаются наставниками и учителями и должны показывать пример «целомудреннаго жития», а в действительности являются наставниками «всякаго безчиния и претыканием соблазна»; они стараются превзойти друг друга «питанием сладким и честно и премению славою, и разным украшением и множеством слуг» и добиться всякими средствами большей чести и славы и, наконец, вместо того, чтобы напитать «слепых, хромых, убогих и нищих», представители духовенства пируют с богатыми, которым дарят имущества убогих, а последних, стоящих у ворот и «горько плачущих от скудости, преже обложивше горькими лайбамн (ругательствами), отгоняют, кинувши кус хлеба гнилаго».

Нет сомнения, что своими обличительными сочинениями против духовенства Максим Грек стремился по примеру Савонаролы подготовить русское общество к сознанию необходимости реформ церковного быта.

III. НЕСТЯЖАТЕЛЬСКИЕ ВЗГЛЯДЫ САВОНАРОЛЫ И МАКСИМА ГРЕКА

1. Деятельность Савонаролы по преобразованию доминиканских монастырей Тосканы

Дело обновления Церкви Савонарола начал с преобразования доминиканских монастырей возглавляемой им Тосканской конгрегации и прежде всего монастыря св. Марка во Флоренции, приором которого он был избран внокамн монастыря в июле 1491 г.³⁷

Савонарола мечтал устроить свой монастырь таким образом, чтобы он служил образцом настоящей иноческой жизни и примером для всех людей³⁸. Так как основной причиной разложения Церкви и развращенности духовных властей и монашества он считал богатство, то первым его мероприятием по реформе монастыря было восстановление в нем во всей строгости обета нищеты. Как известно, основатель ордена Доминик в самых суровых выражениях грозил своим проклятием тому, кто осмелится бы соблазнить монахов его ордена в их обете нестяжательности³⁹. Однако впоследствии этот обет был забыт, и в распоряжении монастыря св. Марка скопились большие богатства. Савонарола распродал все имущества и ценности монастыря, а выручен-

серебряна... Да шуба соболья, под черным бархатом...» и многие другие очень дорогие вещи (С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Т. V. с. 384—385).

³⁶ Сочинения преп. Максима Грека. Ч. II, с. 260—276.

³⁷ F. T. Perrèns. Jérôme Savonarole, sa vie, ses prédications, ses écrits. Paris, 1853, t. I, p. 59.

³⁸ F. T. Perrèns. Jérôme Savonarole. D'après les documents originaux..., p. 73.

³⁹ П. Вилларн. Цит. соч., т. I, с. 129; т. II, с. 334.

ные деньги роздал бедным. По его взглядам, внешность монастыря должна была гармонировать с внутренней, душевной простотой. Поэтому он старался придать монастырю самый скромный вид. Он запретил даже вешать железный замок на воротах, считая это роскошью, одел монахов в бедные платья, из кельи удалил всякие украшения, опасаясь, что они могут подействовать вредно. В монастыре был введен устав, по которому монахам воспрещалось приобретать какое-либо личное имущество; все они должны были добывать себе средства к жизни собственным трудом. «Мы возвращаемся к простоте и бедности, этим древним правилам нашего ордена»,— писал Савонарола в своих письмах⁴⁰.

В одном небольшом обращении к княгине Магдалине дела Мيرانдола, которая в 1494 г. намерена была вступить в монашество, Савонарола преподает ей советы, как подготовить себя к монашескому званию. Здесь, между прочим, он пишет, что чем богаче жила княгиня в мире, тем беднее она должна жить в монастыре; она должна довольствоваться там старым, заштопанным платьем, иметь при себе дешевый молитвенник без всяких украшений; келья ее должна быть такой бедной, чтобы она могла оставаться открытой, не вызывая опасений быть ограбленной⁴¹.

В своих наставлениях он увещевает иноков любить бедность, быть верными обетам целомудрия, избегать всяких увеселений, быть смиренными не только в отношении к высшим, но и к равным и низшим.

Сам Савонарола был первым и лучшим исполнителем введенных им порядков. Одежда его была самая грубая, постель самая жесткая, келья самая бедная. Все свободное от проповедей время он проводил в книжных занятиях. Подробное описание деятельности Савонаролы в монастыре св. Марка и монастырской жизни при нем дано у Perrens'a⁴². Энтузиазм Савонаролы вызвал большой прилив в монастырь св. Марка новых иноков. В нем искали пострижения люди из разных слоев общества. Вместе с тем энтузиазм этот заразил и другие монастыри Тосканы, которые стали подражать монастырю св. Марка, вводя у себя те же порядки добровольной нищеты и полного нестяжательства.

2. Нестяжательские взгляды Максима Грека

Можно считать несомненным, что Максим Грек имел в виду главным образом преобразованные усилиями Савонаролы монастыри, как образцовые по нестяжательности, в своих сочинениях, написанных в России: 1. «Повесть страшна и достопамятна и о совершенном иноческом жителъстве»⁴³ и 2. «Послание о католических доминиканском и францисканском монашеских орденах»⁴⁴.

В указанных повествованиях, особенно в первом, описаны такие детали внутренней монастырской жизни, которые могли быть известны только очевидцу⁴⁵. Вместе с тем не подлежит сомнению, что уже

⁴⁰ F. T. Perrens. Jérôme Savonarole. D'après les documents originaux..., p. 75; П. Вилларн. Цит. соч., т. I, с. 130.

⁴¹ J. Schnitzer. Цит. соч., В. I, S. 375—376; В. II, S. 1060. Письмо издано было под заглавием «Epistola a Magdalena confessa della Mirandola della perfezione del stato religioso». Firenze, 1495.

⁴² F. T. Perrens. Jérôme Savonarole. D'après les documents originaux..., p. 76—80.

⁴³ Сочинения преп. Максима Грека. Ч. III, с. 178—205.

⁴⁴ Опубликовано В. Ф. Ржигой в статье «Неизданные сочинения Максима Грека» («Byzantinoslavica», t. VI, p. 99—101) по рукописи ГБЛ, ф. 256, собр. Румянцева, № 264 (XVI в.), лл. 177—178 об.

⁴⁵ В описаниях Максима Грека внутренних порядков и жизни католических монастырей много сходного с описанием внутренней жизни в монастыре св. Марка, которое имеется в биографии Савонаролы, написанной его современником (Vita del P. F. Girolamo Savonarola, scritta P. F. Pacifico Burlamacchi, Lucchese, nuova edizione. Lucca, 1764, p. 39).

тогда, во время пребывания в монастыре св. Марка и под влиянием Савонаролы, у Максима Грека сложились те же нестяжательские представления об устройстве монастырей и монашеской жизни, которые нашли отражение во всей его дальнейшей нестяжательской литературной деятельности. Подробно этого вопроса мы касались в специальной статье «К вопросу о нестяжательских взглядах Максима Грека»⁴⁶. Здесь мы ограничимся краткими ссылками на сочинения Максима, в которых он изложил свои воззрения на монашество и монастырские именные.

Ясное представление о нестяжательских взглядах Максима, сложившихся под влиянием Савонаролы и «нищенствующих» орденов, дают указанные выше два произведения: «Повесть страшна и достопамятна и о совершенном иноческом жителстве» и «Послание о католических доминиканском и францисканском монашеских орденах».

Первое произведение принадлежит к числу наиболее ранних, написанных Максимом Греком до 1525 г., а второе относится к тверскому периоду, ко времени после 1531 г., так как адресовано, по всем данным, Тверскому епископу Акакию. Несмотря на значительную отдаленность друг от друга по времени написания, оба произведения весьма сходны по своему содержанию. В них восхваляется нестяжательский образ жизни католических монахов.

Самыми главными из произведений, написанных Максимом Греком в обличение стяжания русских монастырей, являются: «Слово душеполезно зело внимающим ему. Беседует ум к души своей, в немже и на лихоимство»⁴⁷; «Слово о покаянии, весьма душеполезно верою и любовию нелицемерно внимающим его и с разумом трезвенным прочитающим его»⁴⁸ и «Стязание о известном иноческом жителстве. Лица же стязующихся: Филоктимон да Актимон, сиречь любостязательный да нестяжательный»⁴⁹. Во всех указанных сочинениях проводятся одни и те же взгляды на монастырскую жизнь, которые усвоил Максим еще в молодые годы в Италии под влиянием учения Савонаролы и его реформ.

Но русская действительность с ее острыми социальными конфликтами — богатством монастырей и бедственным положением крестьян, особенно в монастырских вотчинах, — оказала огромное непосредственное влияние на Максима Грека и способствовала превращению его из пассивного теоретика в активного борца, пламенного обличителя пороков монашества. Максим Грек проявил здесь ту ревность, которая жгла его учителя Савонаролу.

Чтобы яснее представить особенности нестяжательских взглядов Максима Грека, отметим основные черты его проповеди.

Краеугольным камнем нестяжательской идеологии является запрещение монахам иметь какую-либо личную собственность. Во всех сочинениях Максима Грека красной нитью проходит требование полного личного нестяжания иноков. В этом требовании он исходил, как и Савонарола, из евангельской заповеди нищеты: «Раздаждь имения твоя вся убогим»⁵⁰. Поскольку евангельский призыв обращен к последователям Христа вообще, то надо полагать, что Максим Грек считал стяжанье пороком, недопустимым не только для монахов, но и для мирских людей. Богатство он рассматривал как главное зло, которое лежит в основе всех нестроений и преступлений человеческих. «Люто бо,

⁴⁶ «Византийский временник». 1968, т. XXIX, с. 135—147. Еще более подробно рассматривает вопрос Н. А. Казакова в «Очерках по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века» (Л., 1970, с. 155—243).

⁴⁷ Сочинения преп. Максима Грека. Ч. II, с. 5—52.

⁴⁸ Там же, с. 119—147.

⁴⁹ Там же, с. 89—118.

⁵⁰ Там же, с. 30.

люто вонистину,— говорит он,— желание злата и всех зол виновно, по апостолу». Несколькими строками ниже добавляет: «Корень всем злым сребролюбие есть»⁵¹.

Второе требование, лежащее в основе нестяжательского учения Максима Грека, заключается в обязательстве для каждого инока добывать себе пропитание и все необходимое для жизни своим собственным трудом. Это требование, как и первое, Максим часто повторяет в своих сочинениях, посвященных описанию жизни некоторых католических и афонских монастырей. Приведя примеры из жизни этих монастырей, Максим Грек в своих обличительных словах и беседах обращается к русским инокам и к каждому читателю его произведений со строгим призывом не пользоваться чужим трудом, а жить своим собственным. «Хлеб бо, рече, свой снеси во вся дни живота твоего в поте лица твоего, ниже стяжи под рукою поселянех аки властель, а якоже Христов ученик, живи апостольски, руками своими добываючи себе свой хлеб, вся своя преже раздавши нищим, по заповеди Спасове, работати паче сама (душа — А. И.) иным изволяй, неже над иными владети»⁵².

«Твоими труды,— говорит Максим в другом месте,— повеленна еси убогая питати, а не иных крови испивати лихвами и служить имым, а не владети над иными»⁵³. «Не уподобляй себе губительным кифиним (трутням.— А. И.) чужих трудов,— продолжает он,— наполняючи всегда чрево свое. Ревнуй же праведнейшим деланием премудрыя пчелы, своих праведных всегда насыщающаяся»⁵⁴.

В тесной связи с указанными двумя принципами нестяжательства находится третье требование, запрещающее монастырям владеть вотчинами или другим каким-либо доходным имуществом. Критика монастырского вотчинного землевладения являлась одним из главных пунктов учения нестяжателей. Самым грозным обличителем стяжания монастырей и наиболее настойчивым противником монастырских земельных имений был Максим Грек. В своих обличительных сочинениях он указывает на владение монастырей имуществом как на главную причину зла, которое деморализует монашество. Свой отрицательный взгляд на монастырские имения Максим изложил с исчерпывающей аргументацией в знаменитом сочинении-диалоге «Стязание о известном иноческом жительстве...», на которое мы ссылались выше.

Таковы три главные требования, которые лежали в основе взглядов Максима Грека и других нестяжателей по вопросу об устройении монашества и о монастырских имуществах.

Но был и еще один пункт в учении Максима Грека, который выделял это учение из среды других, придавая ему острую социальную направленность,— это вопрос о положении крестьян в монастырских вотчинах. Максим Грек восставал не только против монастырских имений, но и против жестокой эксплуатации в них феодально-зависимого крестьянства. В указанных выше сочинениях: «Слово... Беседует ум к души своей...», «Стязание о известном иноческом жительстве...» и «Слово о покаянии...» — он рисует потрясающую картину бедственного положения подвластного монастырям крестьянского населения.

Правда, Максим Грек не был волевым реформатором, готовящимся произвести какие-либо крупные изменения в общественной жизни по примеру флорентийского проповедника. Но необходимо отметить, что подобной активной реформаторской деятельности и нельзя было ожидать от человека, находившегося всю жизнь в тюремном заточении под строгим присмотром. Максим вынужден был ограничиться тео-

⁵¹ Сочинения преч. Максима Грека. Ч. II, с. 110-111.

⁵² Там же, с. 29.

⁵³ Там же, с. 32.

⁵⁴ Там же, с. 34.

ретической борьбой против социальных несправедливостей, каковая, однако, находила живой отклик среди всех передовых слоев русского общества.

Таким образом, широко распространенный в литературе взгляд на Максима Грека как идеолога реакционного боярства не находит ни малейшей опоры в его творениях.

Истинные нестяжатели первой половины XVI в., в том числе и Максим Грек, своей борьбой против монастырских стяжаний и бесчеловечной эксплуатации крестьян в монастырских вотчинах преследовали глубоко гуманные цели. Они хотели бы решить вопрос о монастырских имениях самими монахами путем добровольного отказа от этих имений и раздачи их нищим, т. е. крестьянам, к чему постоянно и призывали в своих сочинениях⁵⁵.

У Максима Грека имеются произведения, в которых он выступает с обличениями и светских феодальных верхов. И это тем более замечательно, что Максим Грек поддерживал самые тесные культурные связи с некоторыми представителями московского боярства (Ф. И. Карпов, князь П. И. Шуйский, В. М. Тучков-Морозов, князь А. Курбский и др.). Однако дружба и близость с лучшими представителями боярства не заслонила от взоров Максима отрицательных явлений и фактов в деятельности правящих кругов⁵⁶. Обличению их посвящены Максимом два произведения: 1) «Слово о неизглаголаннем Божиим промысле, благодати же и человеколюбии, в том же и на лихоимствующи»⁵⁷ и 2) «Слово пространнее излагающе с жалостию нестроения и безчиния царей и властей последнего жития»⁵⁸.

В дальнейшем мы подробно остановимся на обличениях Максима светских феодалов-эксплуататоров в связи с его борьбой за нравственное преобразование русского общества.

Итак, вся нестяжательская публицистическая деятельность Максима Грека пронизана страстным протестом против социальных несправедливостей, глубоким сочувствием народным массам и решительным осуждением разных форм феодальной зависимости и угнетения. Максим Грек не делал радикальных практических выводов из своих обличений, но жизненная их действительность была чрезвычайно велика. Они находили горячий отклик среди тех слоев населения, на защиту которых были направлены, и прежде всего среди закабаленного и жестоко эксплуатируемого крестьянства. В обстановке общественного движения первой половины XVI в. проповедь Максима Грека, как и других истинных нестяжателей (Нила Сорского, Вассиана Патрикеева, старца Артемия), против порабощения приобретала определенно антифеодальный характер. В доказательство достаточно напомнить следующие места из сочинений Максима Грека.

В «Послании утешительном к некоей княгине, скорбящей о смерти сына»⁵⁹ Максим предлагает раздать все имение нищим и бедным. В другом месте — в «Послании неизвестной инокине»⁶⁰, намеревающейся перед смертью принять схиму, Максим заявляет, что напрасны надежды «получить спасение одними платми чернеческими и скымою в последнем дыхании», и советует отказаться от неправедно собранного имущества и отпустить на свободу каменных людей.

⁵⁵ Сочинения преп. Максима Грека. Ч. II, с. 30; «Слово ответно» Вассиана Патрикеева (Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960. с. 257—259) и др.

⁵⁶ В. Ф. Ржигя. Опыты по истории русской публицистики XVI века. Максим Грек как публицист. ТОДРЛ. т. I. Л., 1934. с. 37.

⁵⁷ Сочинения преп. Максима Грека. Ч. II, с. 185—212.

⁵⁸ Там же, с. 319—337.

⁵⁹ Не издано. Находится в рукописи ГБЛ. ф. 256. собр. Румянцева. № 264 (XVI в.). лл. 298—299 об.

⁶⁰ Не издано. Находится там же, лл. 203—204 об.

IV. БОРЬБА САВОНАРОЛЫ И МАКСИМА ГРЕКА ЗА РЕФОРМУ НРАВОВ

А. Выступление против лихоимства и ростовщичества

1. В тесной связи с борьбой за обновление Церкви, за церковно-религиозную реформу протекала борьба Савонаролы за реформу нравов, за построение жизни на началах евангельской простоты, любви и милосердия. Идея нравственного преобразования общества составляла цель всей жизни Савонаролы. Ей собственно подчинены были как религиозная, так и политическая реформационная деятельность флорентийского проповедника. Эта идея возникла и овладела всем существом Савонаролы под влиянием тех жестокостей и бесчеловечия, своеволия и всякого рода насилий богатых над беззащитной беднотой, а вместе с тем того безграничного падения нравственности, которые характеризовали итальянское общество эпохи первоначального накопления.

Еще юношей в 1472 г. Савонарола в небольшом стихотворении «О разрушении мира» высказал свой взгляд на окружающую его мрачную действительность: «Я замечаю, что в мире всё идет наыворот, что всякая добродетель и всякие добрые обычаи в конце погибают; я не вижу истинного света, не нахожу ничего, кто стыдился же своих пороков... Счастлив тот, кто живет хищничеством, кто тучнеет, упиваясь кровью других, кто грабит вдов и их малых ребят, кто ускоряет разорение бедных. Тот человек благороден и изящен, который обманом и насилием собирает богатства, который презирает небо со Христом, который только и думает, как бы погубить ближнего: такими людьми гордится мир»⁶¹.

Через два года, в 1474 г., он в другом своем произведении «О презрении к миру» (*Del dis pregio del mondo*), написанном перед выступлением в доминиканский монастырь, описал с еще большей выразительностью свои настроения и чувства по поводу великой развращенности века⁶². Здесь Савонарола сравнивает нравы своего времени с нравами Содомы и Гоморры. Обращаясь к своей душе, он говорит ей: «Беги из земли Содомы и Гоморры! Беги из Египта и от фараона! Беги из этой страны, где порок восхваляется и добродетель подвергается осмеянию, где человек, изучающий искусства и философию, называется мечтателем, где скромно и честно живущий называется безумцем, где к добродетельному человеку и верующему в величие Божие относятся, как к глупцу, где уповающий на Христа становится предметом издевательства, и над тем, кто человеколюбив, все ругаются, как над женщиной! Беги из этой земли, где тот называется благоразумным, кто грабит бедного, вдову и сироту; тот считается мудрым, кто думает только о накоплении богатств; тот благочестивым, кто грабит другого с наибольшим искусством! Нигде ничего не видно, кроме нечестия, ростовщичества, грабежа, грубого богохульства, хищничества, содомства и распутства; зависть и человекоубийство, гордость и честолюбие, лицемерие и ложь, нечестие и беззаконие господствуют повсюду. В этом мире порок есть добродетель, и добродетель — порок»⁶³.

⁶¹ П. Виллари. Цит. соч., т. I. с. II; т. II, с. 294; Audin de Rians. Указ. соч., р. 3 etc.

⁶² П. Виллари. Цит. соч., т. I. с. 15; т. II. с. 295—296. Произведение приведено в приложениях (документ III) к итальянскому оригиналу сочинения П. Виллари. Автор (А. М.—н) статьи «Иероним Савонарола» в «Христианском чтении» за 1898 г., ч. II, с. 865—867, дает полный перевод этого небольшого произведения, но усваивает ему свое заглавие: «О бегстве от мира».

⁶³ Сочинения преп. Максима Грека. Ч. II, с. 5—8. Ниже нами будет отмечено, что свои обвинения нравоучительного характера Максим Грек также строил в форме «бращения к душе».

В этом небольшом отрывке Савонарола дал исчерпывающую картину пороков окружающего его мира. Но он не бежал от этого мира, а ринулся на самоотверженную борьбу с его пороками.

Главным злом, которое лежало в основе всех нестроений и преступлений человеческих, Савонарола считал богатство. Поэтому в качестве первого требования нравственного преобразования общества он выдвигает патриархальную простоту, под которой подразумевает внутреннюю простоту сердца, а также бедность и нестяжательство. Подробно этого вопроса Савонарола касается в своих трактатах «О простоте христианской жизни»⁶⁴ и «Об упражнении в милосердии». В последнем произведении он заявляет: «Истинный христианин должен говорить, как древний философ: «*Omnia mea mecum porto*»»⁶⁵.

Вопрос о милосердии был основной темой всех выступлений Савонаролы. В проповеди 11 февраля 1498 г. он говорил: «Апостолы горели любовью и христианским милосердием. Всё богословие, все гражданские и церковные законы, все обряды религиозные — всё это направлено к христианскому милосердию, весь мир сотворен Господом для проявления его. Поэтому, кто издает постановление, не согласное с милосердием, которое есть полнота всех законов, анафема да будет. Если бы это сказал даже ангел, все святые, Сама Дева Мария (что, конечно, невозможно) — анафема да будет. Если то скажет какой-нибудь закон, или канон, или собор — анафема да будет»⁶⁶. Отсюда постоянные и резкие обличения богатых, духовных и светских властителей за их бесчеловечно угнетение бедных путем обложения непосильными налогами и особенно путем ростовщичества.

Еще в 1491 г. Савонарола в одной из своих проповедей решительно обличал клир, который, по его словам, жаждет только наживы, весь ушел в исполнение одних внешних обрядов, сделав из них предмет торговли, и решительно забыл интересы жизни внутренней⁶⁷.

С еще более суровым осуждением выступил Савонарола против ростовщичества. В том же 1491 г. он в другой проповеди говорил: «Благодаря своей жадности не живете счастливо ни вы, ни дети ваши. Вы изыскали множество искуснейших способов к добыванию денег, множество операций, которые вы называете законными, но которые на самом деле абсолютно бесчестны. Вы внесли развращение в администрацию и магистраты... Никто не может уверить вас, что грешно заниматься ростовщичеством или неправильным разменом денег, вы защищаете это на погибель душ своих... Нет ни в ком стыда давать деньги под большие проценты, напротив, делающий иначе считается глупцом. Итак, на вас исполняется слово пророка Исая: грех свой яко содомский возвестися и явнша»⁶⁸.

Лихоимство и ростовщичество были главным предметом обличительных выступлений Савонаролы. Это отмечает и Максим Грек в своем сказании о флорентийском проповеднике, когда пишет, что последний с особой ревностью старался своим учением «истребить в конец» во Флоренции «богомерзкий грех безбожного лихоимания и безчеловеческого резонманья»⁶⁹.

2. Тот контраст между жизнью богачей, всякими способами, «кознями, клеветами и многообразными нечистотами»⁷⁰ стремящихся увели-

⁶⁴ В 1496 г. трактат был издан во Флоренции на латинском (*De simplicitate vitae Christianae*) и на итальянском (*Fratta della simplicita della vita Christiana*) языках. Затем издавался в Париже в 1511 г. и в Венеции в 1547 г.

⁶⁵ П. Вилларри. Цит. соч., т. II, с. 51.

⁶⁶ Там же, с. 68—70.

⁶⁷ Там же, т. I, с. 98—99.

⁶⁸ Там же, с. 110.

⁶⁹ Сочинения преп. Максима Грека. Ч. III, с. 195. Резонманье — взимание лихвы, ростовщичество. — *Ред.*

⁷⁰ Там же, с. 21.

чить свое богатство, и участию подавленных и угнетенных бедняков и рабов, который вызывал пламенные обличения Савонаролы, был при- сущ и древнерусскому обществу времен Максима Грека.

В своих взглядах на положение трудящейся бедноты и в своих обличениях эксплуататоров — светских и церковных — Максим Грек исходил, несомненно, из тех идеалов о патриархальном равенстве между людьми, которые внушил ему своим учением и реформаторской деятельностью Савонарола. Этим объясняется и особая любовь Максима Грека к творениям святого Григория Богослова, у которого он находил подтверждение своих гуманистических идей. Так, в слове 14-м «О любви к бедным» Григорий Богослов излагает такие замечательные мысли: «По изначальному закону люди были все равны и владели с одинаковым правом всеми благами земли. Они ни властям никаким не подчинялись, ни законом не ограничивались, ни пределами государств не преграждались... Бедность и богатство, рабство и другие подобные названия были неизвестны. Всё это появилось в последние времена и вторглось в жизнь вместе с неправдою, «как некоторые недуги». Но с того времени, как расторглось родство между людьми, «отчуждение их друг от друга выразилось в различных наименованиях званий, и любостяжание, призвав и закон на помощь своей власти, заставило забыть о благородстве естества человеческого»⁷¹.

Любостяжание и неразрывно связанные с ним лихоимство и ростовщичество в глазах Максима Грека были главными язвами, которые разъедали древнерусское общество. Против этих зол он, по примеру Савонаролы, и вооружился в первую очередь в своих сочинениях. Сюда следует отнести прежде всего несколько переводных статей Максима Грека из творений древних отцов Церкви, в которых обличались упомянутые пороки. Таковы: «Василия Великого беседа на лихоимцев»⁷²; «Слово Великого Василия» (о том же)⁷³; отрывки из «Слова Григория Богослова о нищелюбии»⁷⁴; «Слово Иоанна Златоустаго «На резонмци 6 июля»»⁷⁵.

Из оригинальных произведений Максима Грека, в которых он специально касается «богомерзкаго резонманья и лихоимания», назовем следующие: «Слово о неизглаголаннем Божиим промысле, благодати же и человеколюбии, в том же и на лихоимствующих»⁷⁶; «Слово душеполезно зело внимающим ему. Беседует ум к души своей, в немже и на лихоимство»⁷⁷; «Словеса, аки от лица Пречистыя Богородицы к лихоимцом и скверным, всякия злобы исполненным, а каюны всякими и различными песньми угрожатн чающим»⁷⁸; «Слово поучительное»⁷⁹.

В целом ряде других своих публицистических сочинений Максим Грек затрагивает указанные явления попутно. Вообще надо сказать, что по какому бы поводу ни выступал он в форме слова или послания, он почти всегда касался притеснения бедных, лихоимства и ростовщичества.

⁷¹ Творения Григория Богослова. Изд. 3-е. Ч. II. М., 1899, с. 25—26.

⁷² Не издана. Находится в рукописях: ГБЛ, ф. 113, собр. Волок. мон., № 488 (1572 г.), лл. 202—211; О-ва люб. древн. писъм., № 176 (XVI в.) (X. Лопарев. Описание рукописей ОЛДП, с. 186).

⁷³ Не издано. Находится в рукописи ГБЛ, ф. 256, собр. Рум., № 264 (XVI в.), лл. 60 об.—61.

⁷⁴ Не изданы. Находятся в рукописях: ГБЛ, ф. 292, собр. Строева, № 8290 (XVI—XVII в.), лл. 539 об.—542; ф. 304, собр. Троицкое I, № 200 (XVII в.), лл. 519—520; ф. 98, собр. Егорова, № 1508 (XIX в.), лл. 598—599.

⁷⁵ Не издано. Находится в рукописи ГБЛ, ф. 256, собр. Рум., № 264 (XVI в.), лл. 31 об.—32.

⁷⁶ Сочинения преп. Максима Грека. Ч. II, с. 185—212.

⁷⁷ Там же, с. 5—52.

⁷⁸ Там же, с. 241—244.

⁷⁹ Не издано. Находится в рукописи ГБЛ, ф. 256, собр. Рум., № 264 (XVI в.), лл. 262—265.

Б. Обличения внешней обрядности и показной религиозности

1. Достигшая крайнего развития в средневековом обществе внешняя обрядность происходила не только из одностороннего, чисто формального понимания религии, но и из стремления загладить свои преступления против ближнего соблюдением религиозной внешности. Вот почему внешняя обрядность и религиозное лицемерие наблюдались преимущественно среди господствующих классов и духовенства. Обличаемый в насилиях и притеснениях правитель, сознавая свою вину, чтобы искупить ее, спешил в далекий монастырь; обличаемый в корыстолюбии судья шел в церковь и покупал дорогую свечу на добрый неправым судом деньг; обличаемый в лихоимстве богач для успокоения своей совести отделял часть награбленного им имущества на построение церкви или на приобретение большого колокола; обличаемый в жестокосердии рабовладелец для заглаживания своей вины тоже нес в церковь пожертвования от имущества, добытого потом и кровью рабов и т. д. и т. п.⁸⁰

Всё это нашло самое яркое отражение в проповедях Савонаролы и сочинениях Максима Грека. В целом ряде своих проповедей, посвященных реформе нравов, Савонарола постоянно подчеркивал, что «христианская жизнь состоит не в обрядах, но в том, чтобы быть добрым, то есть жалостливым и милосердным». Так, в одной проповеди 1491 г. он говорил: «Легко склонить людей к определенной внешней жизни: посещать литургию, ходить на исповедь. Но очень трудно привести их к жизни внутренней, предрасположить их к благодати. Нужно избегать лишней обрядности. Эта обрядность не составляет чего-нибудь существенного, ибо она неодинакова в разные времена и в разных местах. Древние и без нее жили благочестиво. Теперь же при множестве церковных церемоний ко всему стали обращаться с пренебрежением и всё сделали орудием наживы, как это доказывает всеобщая жадность до бенефиций»⁸¹.

В проповедях в Рождественский пост 1493 г. он выступает против лицемерия прелатов. «Они говорят против гордости и самолюбия,— читаем мы,— а сами погружены в них по уши, проповедуют целомудрие, а сами держат наложниц, приказывают поститься, а сами живут в роскоши»⁸².

Обличению ложной и лицемерной религиозности Савонарола уделил особое внимание в своих проповедях в Великом посту 1496 г. «Понаблюдайте,— говорит он в одном месте,— за такими лицами (лицемерами.— А. И.) в последние три дня Страстной недели: они ходят по церквам и стараются заполучить себе индульгенцию и прощение грехов. Они мечутся то туда, то сюда, прикладываются к св. Петру, к св. Павлу, к одному, к другому святому. Идите, идите, звоните в колокола, украшайте алтари, церкви... Бог смеется над делами вашими и не вникает вашим церемониям»⁸³.

В сочинении «De simplicitate vitae Christianae», написанном в 1495 г., Савонарола рассматривает церемонии и внешние обряды без внутренней добродетели, как цветы без корней. Кто ограничивается внешней обрядностью, указывает он, тот молится дьяволу⁸⁴. Главной же добродетелью Савонарола всегда выдвигал любовь к ближнему. «Я никогда не читал в Евангелии,— говорил он в одной проповеди,— требования держать в церквах золотые и серебряные кресты и всякие другие драгоценные вещи. Но, напротив, в Евангелии говорится: «Я

⁸⁰ И. Преображенский. Нравственное состояние русского общества в XVI веке по сочинениям Максима Грека и современным ему памятникам. М., 1881, с. 112.

⁸¹ П. Вилларн. Цит. соч., т. I, с. 104.

⁸² Там же, с. 138.

⁸³ Там же, с. 313.

⁸⁴ Там же, с. 313.

жаждал, и вы не напоили Меня, был голоден, и вы не дали Мне есть» и т. д.»⁸⁵.

2. Такими же побуждениями любви к ближнему руководствовался и Максим Грек в своих обличениях внешней обрядности и лицемерной религиозности, чрезвычайно распространенных на Руси. Этому вопросу он посвятил несколько специальных сочинений. Таковы: «Сказание живущим во гресех неотступно, а каноны всякими и молитвами преподобных молящимся Богу во вся дни надеющимся спасение получитьи»⁸⁶; «Словеса, аки от лица Пречистыя Богородицы и лихонимом и скверным, всякия злобы исполненным, а каноны всякими и различными песньми угожати чающим»⁸⁷; «Поучение ко иноком о исправлении иноческого жития и кая есть сила великия схимы»⁸⁸; «Послание к неким инокиням»⁸⁹. Кроме того, Максим Грек касается данного вопроса в целом ряде других своих произведений нравоучительного характера, как например: «Слово о покаянии»⁹⁰; «Послание неизвестной инокине»⁹¹; «О внутреннем посте, еже не точно от брашен поститися, но и от всяких страстей душегубительных соблюдатися и отбегати»⁹².

Приведем для примера несколько выдержек из сочинений Максима Грека, в которых обличается внешняя обрядность и религиозное лицемерие. Как могут угодить Богу те, говорит он в одном месте, которые «всю надежду спасения полагают во едином лишении мяс и рыб и еля, во время священных пост, а еже обидети и лихоимствовати бедныя подручники и в судилища влачяти их и враждебне их ратовати и озлобляти различне не престають»⁹³. «Ведомо убо да състь нам благочестивым,—говорит в другом месте Максим,—яко дондеже пребываем во гресе... аще и вся молитвы преподобных и тропари и кондаки и молебныя каноны глаголем по вся дни и часы, ничтоже отнюдь исправляет»⁹⁴.

Особенно строги и сильны обличения Максима Грека современно-го ему фарисейства и внешней обрядности в указанном нами выше знаменитом его слове, написанном по случаю страшного тверского пожара. Здесь Максим представляет Тверского епископа Акакия умоляющим Бога открыть, чем согрешили тверитяне и навлекли на себя Божий гнев. Причина такого ужасного гнева казалась тем более несобъяснимой для пострадавших, что они ревностно заботились о благолепии храмов, об украшении икон золотом и серебром, о соблюдении религиозных праздников и других внешних дел религии. На эту просьбу Сам Бог отвечает: «Вы наипаче прогневаете Моя утробы, доброгласных пение и колоколов шум предлагающе Мне, и драгоценное икон украшение и различных мир благоухания, яже аще приносяти Ми... от неправедных и богомерзких лихв, лихоиманья же и хищения чужих имений». Этих приношений «не точно возненавидит душа Моя, аки смешена слезами сирот и вдовиц умиленных и кровью убогих, но еще и вознегодует на вас». И далее приводится в качестве примера разорение Греции, которую не спасли от беды «ни благолепное пение, вкупе со светлошумными колоколы и благовонными миры», ни «пения есенощная», ни «красоты и высоты предивных храмов», ни «даже мо-

⁸⁵ P. J. Carle. Histoire de Fra Hieronimo Savonarola Paris, 1842, p. 186—187.

⁸⁶ Сочинения преп. Максима Грека. Ч. II, с. 213—214.

⁸⁷ Там же. с. 241—244.

⁸⁸ Там же. с. 220—228.

⁸⁹ Там же. с. 394—415.

⁹⁰ Там же. с. 148—152.

⁹¹ Не издано. Находится в рукописи ГБЛ, ф. 256, собр. Рум., № 264 (XVI в.), лл. 203—204 об. В. Ф. Ржигя упоминает об этом Послании в своем очерке («Byzantinoslavica», t. VI, p. 93—94).

⁹² Не издано. Находится там же, лл. 69—70.

⁹³ Сочинения преп. Максима Грека. Ч. II, с. 161.

⁹⁴ Там же, с. 213—214.

щи апостольския и мученичския», в этих храмах скрывавшиеся, «по-неже там (в Греции.— А. И.) убога возненавидеша и сира убиша из-за златолюбия, неправосудия и мздоимства»⁹⁵.

В. Отрицательный взгляд на астрологию

1. Между суевериями и заблуждениями, существовавшими в средневековом обществе и имевшими отрицательное влияние на нравственность, значительное место занимали верования в астрологические предсказания. Увлечение астрологией во времена Савонаролы получило особенно широкое распространение в Италии.

В одной из проповедей 1493 г. Савонарола говорит: «Нет ни одного прелата, нет ни одного сановника, который не стоял бы в близких отношениях с астрологом, указывающим ему час и момент, когда ему следует садиться на лошадь или делать какое-нибудь дело. И они, эти важные сановники, не сделают ни одного шага против воли астрологов»⁹⁶.

В проповеди 13 января 1495 г. он заявляет, что астрология, которая претендует по звездам узнавать будущее, есть наука ложная, ибо она противоречит правилам веры и принципам знания⁹⁷. Эти мысли Савонарола развил довольно подробно в своем специальном сочинении «Против астрологии»⁹⁸.

Взгляды Савонаролы на астрологию вытекают из его философии, на рассмотрении которой мы остановимся ниже. Здесь мы только отметим, что уже в раннем своем философском трактате «Мораль» Савонарола настаивал на признании свободы воли человеческой. «Если что отличает человека от животных,— говорит он,— так это свободное самоопределение, которое не есть только известная черта или характер действий, но самая сущность воли, «est ipsa hominis voluntas». И далее он ополчается против астрологов, утверждающих, что свобода подчиняется звездам»⁹⁹.

Отрицательных взглядов на астрологию как на ложную науку придерживались и некоторые из выдающихся современных Савонароле деятелей итальянского Возрождения, как, например, Анджело Полициано, Пико делла Мирандола и другие, причем все они касались, главным образом, той стороны астрологии, которая стремилась связать движение звезд с судьбой или фортуной людей.

2. Максим Грек основательно познакомился с западной астрологией во время пребывания в Милане под руководством знаменитого итальянского астролога, медика и философа Varese de Rosate (Амвросия Розада), которого он называет первым астрологом своего времени. Однако отрицательный взгляд на астрологию у Максима сложился, несомненно, не в Милане, а под влиянием Савонаролы и его почитателя Пико делла Мирандолы.

Надо сказать, что теоретически различались «астрология гадательная» и «астрология научная». Первая претендовала на узнавание характера и судьбы людей по движению звезд, а вторая стремилась предсказывать солнечные и лунные затмения, периоды засухи и дождей и другие смены погоды. На практике обе астрологии часто смешивались.

Максим Грек, как и Савонарола, выступал против гадательной астрологии, так как находил, что она, ставя судьбу человека и все его действия в зависимость от движения звезд, не соответствовала не толь-

⁹⁵ Сочинения преп. Максима Грека. Ч. II, с. 261—263.

⁹⁶ П. Вилларри. Цит. соч., т. I, с. 141.

⁹⁷ Там же. с. 252—253; J. Schmitzer. Цит. соч., S. 700—709.

⁹⁸ Opera singolare contra l'astrologia. Fir., 1497; Ven., 1513 (K. von Hase. Neue Propheten, 3-e Aufl. Leipzig, 1893. S. 157).

⁹⁹ П. Вилларри. Цит. соч., т. I, с. 81—82.

ко учению о Промысле Божиим, но и здравому смыслу и факту свободной воли человека. Главным распространителем астрологических идей на Руси во времена Максима Грека был Николай Немчин, по профессии — врач, а по убеждениям — адепт астрологии, приближенный великого князя Василия Ивановича. Проживая довольно долго в России, он распространял астрологическое учение не только устно, но и через свои сочинения и послания к разным лицам.

Против гадательной астрологии Максим Грек написал целый ряд сочинений. Сюда относятся: «Слово противу тщасихся звездозрением предрицати о будущих и о самовластии человеком»¹⁰⁰; Послание Федору Ивановичу Карпову¹⁰¹; «Слово о том, яко Промыслом Божиим, а не звездами и колесом счастья вся человеческая устрояются»¹⁰²; «Послание к некоему иноку, бывшему во игуменех, о немецкой прелести, глаголемой фортуне, и о колесе ея»¹⁰³; «Послание к некоему князю, слово поучительно о прелести звездочетстей и утешительно живущим в скорбех»¹⁰⁴; «Слово на Николая Немчина, прелестника и звездочета»¹⁰⁵; три отдельные «Сказания отчасти 3 песни Анны пророчицы»¹⁰⁶ и несколько других статей.

Во всех полемических сочинениях, направленных против астрологических заблуждений, аргументация у Максима Грека та же, что и у Савонаролы. Он отмечает прежде всего несоответствие астрологических гаданий идее Промысла Божия, который «о всем печется и все исправляет». Максим также указывает, что гадание и предсказание по звездам противоречит принципу свободной воли и законам разума.

«Еллини убо звездами сими,— пишет он в одном месте,— солнцем же и луною, востоку и западу, разумеша вся, яже о нас стронтся; мы же благовернии глаголем: яко знамения от них бывают, дождю и бездождю, студенству же и теплоте, мокроте и сухоте и ветром, а наших дел никакоже; мы же самовласти бывше (создани) Содетелем, властели есме своих дел»¹⁰⁷.

В опровержение звездочетцев Максим Грек ссылается, между прочим, и на греческих философов Сократа, Платона и Аристотеля, называя их «честнейшими и истиннолюбнейшими еллинскими философами»¹⁰⁸, а также приводит в качестве исторических примеров победы Фемистокла и Александра Македонского над персами, Константина над Максентием, Димитрия Донского над Мамаем, указывая, что эти победы одержаны не «звездозрительными гаданми», а «воеводскими искусствами и скоростню разума»¹⁰⁹.

V. ОТНОШЕНИЕ К ИТАЛЬЯНСКОМУ ВОЗРОЖДЕНИЮ

Вопрос об отношении Савонаролы и Максима Грека к итальянскому Возрождению заслуживает особого внимания, так как главным образом с этим именно вопросом многие исследователи связывают представление о характере и историческом значении того и другого деятеля.

¹⁰⁰ Сочинения преп. Максима Грека. Ч. I, с. 399—434.

¹⁰¹ Там же, с. 347—376.

¹⁰² Там же, с. 377—398.

¹⁰³ Там же, с. 446—455.

¹⁰⁴ Там же, с. 435—446.

¹⁰⁵ Там же, с. 455—456.

¹⁰⁶ Не изданы. Находятся в рукописи ГБЛ, ф. 256, собр. Рум., № 264 (XVI в.), лл. 11 об.—18, 22—26 об. Сказания упоминает В. Ф. Ржига в своей статье «Неизданные сочинения Максима Грека» с кратким изложением содержания и с небольшими буквальными выдержками («Byzantinoslavica», t. VI, p. 89—90).

¹⁰⁷ Сочинения преп. Максима Грека. Ч. I, с. 387, 391.

¹⁰⁸ Там же, с. 417.

¹⁰⁹ Там же, с. 359.

На основании отрицательных и иногда очень резких и пренебрежительных отзывов Савонаролы о древних философах и поэтах некоторые из его биографов готовы видеть в нем ограниченного фанатика, враждебно настроенного по отношению к итальянскому Возрождению и культурному прогрессу вообще. Приблизительно такого же мнения придерживается часть ученых и о Максиме Греке, поскольку он в своих высказываниях об эллинских мудрецах очень близок к Савонароле.

Нам кажется, что подобного рода суждения являются слишком односторонними. Главная ошибка их заключается в том, что они не учитывают особенностей мировоззрения Савонаролы и Максима Грека и всей сложности современной им эпохи.

В основе взглядов и настроений того и другого деятеля лежал нравственный принцип. Савонарола считал нравственную философию матерью наук¹¹⁰. С точки зрения морали он подходил к оценке почти всех явлений, в том числе и того крайнего увлечения античным миром, которое наблюдалось в Италии в конце XV в. Это увлечение имело не только положительные, но и отрицательные стороны.

Во всех больших итальянских городах увлечение древностью нередко переходило к забвению христианства и замене его язычеством, к презрению к установившимся понятиям нравственности и даже отрицанию последней. Это проявлялось в Риме и Флоренции. В самом Ватикане публично смеялись над нравственными законами и религией. В среде духовенства только тот считался образованным, кто придерживался языческих взглядов. Платон возводился на один уровень со Христом.

Во Флоренции развращенность процветала под руководством Лоренцо Медичи. Придуманные им «Карнавальные песни», которые распевала на улицах молодежь, были совершенно неприличны по своему содержанию. В школах и проповедях старались заменять христианские имена древними языческими и привить уважение к языческим героям и мифологическим событиям. Многие пороки и притом самые постыдные стремились оправдать примерами древних греков¹¹¹.

Вполне понятно, что Савонарола при его религиозной настроенности и высокой нравственной чуткости не мог равнодушно взирать на такое увлечение языческими писателями, которое приводило к устранию христианства и поруганию принципов морали.

Но в своих выступлениях против увлечения древними писателями и философами Савонарола вооружался не против античной культуры вообще и изучения ее гуманистами, а против паганизма и аморальности.

Обвинение Савонаролы в религиозном фанатизме основывается, главным образом, на «Сожжении суеты», произведенном в 1497 и 1498 гг. Что это была за «суета», с точностью мы не знаем. Не только позднейшие историки, но и современники Савонаролы сообщают о событии крайне противоречивые сведения. Наиболее подробное описание «Сожжения суеты» в 1497 г. имеется в биографии Савонаролы, составленной его современником Бурламаки¹¹². Из этого описания видно, что в огромный костер были сложены собранные детьми маски, фальшивые бороды, маскарадные одежды, лютни, фальшивые волосы и вообще всякого рода вещи, употреблявшиеся во время карнавала, так как и самое сожжение их задумано было ради борьбы с дурными обычаями, связанными с празднованием карнавала.

¹¹⁰ А. М.—н. Иероним Савонарола. Характеристика его личности, учения и деятельности. «Христианское чтение». СПб., 1898, ч. 2, с. 885.

¹¹¹ E. Denissoff. Цит. соч., р. 152; П. Вилларн. Цит. соч., т. I, с. 31—32; Н. Осокин. Савонарола и Флоренция. Казань, 1865, с. 158.

¹¹² Vita del P. F. Girolamo Savonarola..., p. 113 etc.

Из биографии Савонаролы мы знаем другой достоверный факт, который свидетельствует, что флорентийский проповедник не только не был врагом древних писателей и истребителем памятников древней культуры, но относился к ним с любовью и уважением.

Когда после смерти Лоренцо Медичи перед Флорентийской республикой встал вопрос о продаже всего его имущества и в том числе знаменитой библиотеки для покрытия долгов, то Савонарола на приобретение этой библиотеки издержал все средства монастыря св. Марка и даже сделал новый тяжелый заем, чтобы только спасти от распыления по частным рукам великолепное собрание древних латинских и греческих рукописей и драгоценных миниатюр, которое до сих пор хранится в библиотеке Laurentiana во Флоренции и является одним из богатейших в мире ¹¹³.

Отношение Савонаролы к культуре Возрождения лучше всего выявляется из его философии и взглядов на науку и искусство. Рассматривая философские высказывания Савонаролы, мы приходим к выводу, что философские воззрения флорентийского проповедника были крайне противоречивы.

В своем трактате «Краткое изложение философии» ¹¹⁴ он описывает мир, как представляли его в средние века последователи Аристотеля, т. е. как огромное живое существо, в котором существуют три души: растительная, чувствительная и разумная. Но в другом месте, при изложении теории познания, он проявляет смелый ум передового мыслителя, свободный от средневековой схоластики. «Чтобы идти к неизвестному,— говорит он,— нужно начинать с вещей известных, потому что только этим путем удастся легко отыскать истинное. Ощущения для нас более близки и понятны. Они собираются нашей памятью, перерабатываются умом, делающим из множества отдельных фактов один общий вывод. Это и есть опыт... Итак, всякое наше познание начинается с ощущения» ¹¹⁵.

В трактате «Мораль» Савонарола, с одной стороны, следует взглядам столпа средневековья — Фомы Аквината, произведения которого он изучал в молодости, а с другой — приближается к идеям неоплатонической школы, в чем сказалось влияние знаменитого флорентийского философа-гуманиста Марсилио Фичино. Здесь он, между прочим, настойчиво подчеркивает свободу человеческой воли ¹¹⁶.

В указанных произведениях обнаруживаются лучшие качества ума Савонаролы, обнимавшего почти все области философского и религиозного знания того века. Но здесь же особенно наглядно проявилась вся противоречивость его воззрений. У него множество идей, которые плохо согласуются между собой. Учение Платона и Аристотеля у него смешивается с богословием Фомы Аквината, причем между ними не замечается никакой гармонической связи.

Та же двойственность и противоречивость наблюдается во взглядах Савонаролы на науку, изложенных им в небольшом произведении «О разделении, порядке и пользе всех наук» ¹¹⁷. В этом трактате он стремится показать, что он не презирает ни одной из областей знания, но отрицает значения ни одной из светских наук (причем советует рассматривать каждую с точки зрения собственного опыта, собственного разума). Однако во главе всех наук он ставит богословие и все другие науки считает служанками богословия. Отсюда и то критическое от-

¹¹³ П. Вилларн. Цит. соч., т. I, с. 373—375.

¹¹⁴ *Compendium totius philosophiae tam naturalis quam moralis*. Venet., 1534, 1542. См. П. Вилларн. Цит. соч., т. I, с. 78—79.

¹¹⁵ Там же, с. 79.

¹¹⁶ Там же, с. 79—81.

¹¹⁷ J. Schnitzer. Цит. соч., В. I, S. 106; В. II, S. 1163; П. Вилларн. Цит. соч., т. II, с. 78—84.

ношение, какое высказывал Савонарола по отношению к философским и светским наукам вообще.

Что касается взглядов Савонаролы на искусство и литературу, то надо сказать, что флорентийский монах далеко не был чужд понимания подлинной красоты. «В чем состоит красота? — спрашивает он в одной из своих проповедей. — В красках? Нет. В линиях? Нет. Красота — это форма, в которой гармонически сочтались все ее части, все ее краски. Красота — это такое качество, которое вытекает из пропорциональности и гармоничности всех членов и частей тела. Ты ведь не назовешь женщину красивой только потому, что она имеет красивый нос или красивые руки; она красива тогда, когда в ней все пропорционально». Далее Савонарола дополняет понятие красоты с позиций христианской морали. «Откуда происходит эта красота? — продолжает он. — Вникни, и ты увидишь, что из души... Поставь рядом двух женщин одинаковой красоты. Одна из них добра, нравственна и чиста, другая — блудница. В доброй светится красота почти ангельская, а другую нельзя даже и сравнить с женщиной чистой и нравственной, хотя она и блистает внешними формами... Это происходит от того, что прекрасная душа соприкасается красоте Божественной и отражает свою небесную прелесть в теле человека»¹¹⁸.

Из приведенной выдержки видно, что в понятии о красоте Савонарола исходил из идей Платона и Фомы Аквината. Как Платон, он искал красоту не в материи, не в форме, но в причастности к Божественному, в проявлении идеи через телесную оболочку¹¹⁹. В данном отношении Савонарола в своих взглядах на задачи искусства был солидарен с лучшими представителями итальянского Возрождения.

Савонарола, будучи идеалистом, отнюдь не исключал изучения природы. «Прелесть произведений искусства, — говорит он, — состоит в его подражании природе, и доказательством этого служит то, что высшая похвала, какую мы высказываем живописной картине, состоит в таких выражениях: «Эти животные точно живые», «эти цветы совершенно натуральны»¹²⁰.

Итак, искать идеал и изучать природу — два эстетических принципа Савонаролы. Третий — простота. «Спросите живописца, — заявляет он, — что наиболее приятно: изображение в натянутом или свободном, естественном положении? Он скажет вам, что наилучшее и приятнейшее есть наиболее свободное и наиболее естественное»¹²¹.

Столь же глубоки и возвышенны суждения Савонаролы о поэзии, которой он посвящает в своем трактате «О разделении, порядке и пользе всех наук» специальный раздел под заглавием «Апология творчества». Здесь он начинает вступление словами: «Я никогда не думал осуждать поэзию, как в этом многие обвиняли меня и устно, и письменно, а лишь злоупотребление ею, как замечается у многих». Далее Савонарола указывает различие между сущностью и формой поэзии. «Некоторые хотели бы ограничить поэзию лишь формой. Они жестоко ошибаются; сущность поэзии состоит в философии, в мысли, без которой не может быть и истинного поэта».

Переходя к рассуждению о современных ему поэтах, он резко осуждает тех из них, которые слепо подражают древним не только в форме, но, ссылаясь на авторитет языческих богов, воспевают в стихах скверные плотские страсти и разврат. Свои рассуждения он заканчивает

¹¹⁸ П. Виллари. Цит. соч., т. I, с. 374—378; J. Schnitzer. Цит. соч., В. II, S. 801—804.

¹¹⁹ История философии. Изд. АН СССР, т. I, с. 100.

¹²⁰ De simplicitate vitae Christianae. Кн. 3. Венеция, 1547. Срав. А. М.—н. Цит. статья, с. 879.

¹²¹ Проповеди на праздничные дни; 20 мая 1496 г. Срав. А. М.—н. Цит. статья, с. 880.

утверждением, что единственно высокой и истинной поэзией является лишь та, которая служит прославлению религии и нравственности.

Итак, Савонарола в своих взглядах на античную культуру и достижения итальянского Ренессанса в области науки, искусства и литературы далеко не был узким религиозным фанатиком, отвергавшим все лучшее и прогрессивное в этих достижениях. Он восставал только против крайних увлечений языческой древностью, приводивших к забвению христианства и к аморальности. При всей противоречивости суждений, что было свойственно большинству ранних гуманистов, Савонарола примыкал к наиболее передовой части представителей итальянского Возрождения. Один из современных биографов Савонаролы называет его в третьей части своего обширного труда «апостолом Ренессанса» (*L'apotre de la Renaissance*), в четвертой — «христианским Сократом» (*Le Socrate chretien*), а в пятой — «мучеником века»¹²².

Вполне понятно, что такого рода деятель не мог оказать того одностороннего, крайне отрицательного влияния на Максима Грека в смысле отношения к итальянскому Возрождению, о котором говорят некоторые исследователи. Это влияние было двойственным, на что указывает и сам Максим Грек, когда говорит, что он познал от Савонаролы «премудрость и разум и искусство богодохновенных писаний и внешних»¹²³. Необходимо, однако, добавить, что на отношение Максима Грека к идеям и направлениям итальянского Ренессанса оказали воздействие не только взгляды и деятельность Савонаролы, но и многие другие факторы. Но здесь мы не будем касаться данного вопроса, так как нами посвящена ему специальная работа.

¹²² V. Magni. *Savonarole ou Cagonie de Florence*. (Перев. с итальянского.) Paris, 1941, p. 171—227, 228—268, 269.

¹²³ Сочинения преп. Максима Грека. Ч. III, с. 194—195, 203.